

На правах рукописи

КУРГУЗОВ Александр Викторович

**ОПТИНСКОЕ СТАРЧЕСТВО
КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ:
ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ**

Специальность 24 00 01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание
ученой степени кандидата культурологии

Москва
2007

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры факультета культурологии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Государственная академия славянской культуры (ГАСК)

Научный руководитель	кандидат исторических наук, профессор В Ф Козлов
Официальные оппоненты	доктор исторических наук, заслуженный профессор РГГУ О М Медушевская кандидат культурологии Д М Абрамов

Ведущая организация Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, кафедра истории России и архивоведения

Защита состоится 23 мая 2007 г в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212 044 01 в Государственной академии славянской культуры

Адрес 125373, Москва, ул Героев Панфиловцев, д 39, корп 2

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Государственной академии славянской культуры

Автореферат разослан «21» апреля 2007 г

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212 044 01
кандидат философских наук, профессор

 С И Бажов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В философской и культурологической науке современности явственно обозначился интерес к осмыслению исторического опыта и творческого потенциала общественного сознания, который длительное время развивался в рамках норм великих религий мира. В российской истории в течение большой исторической длительности культурные, нравственные, правовые и этические нормы и типы поведения тесно связывались с религиозным сознанием. Опыт становления древнерусской государственности был во многом связан с принятием христианства, вместе с которым молодая нация усваивала правовые и этические нормы политической жизни, этики поведения, культуры летописания. В течение ряда веков существования раздробленных княжеств и татаро-монгольского завоевания христианство, православие служило мощным объединяющим признаком культурной самоидентификации, а затем стало основной конфессией периода создания единого российского государства. Все это делает актуальным изучение традиций православия как одной из черт российской ментальности, сознания российского общества практически на всех этапах его развития. Поиск идей служения высшим целям, объединяющих людей в эпохи раскола и кризиса, не утрачивает своей актуальности в эпоху глобализации. Культурология вносит свой вклад в изучение проблемы, обращаясь к историко-культурному опыту стран и народов, и в данной связи рассмотрение этического, духовного, объединяющего содержания мировых религий вновь актуализируется.

Таким образом, проблема этического, нравственного, правового, нормативного содержания человеческого сознания и, в данном случае, религиозного сознания и его влияния на поведение и культуру людей, несомненно, актуальна. В то же время она принадлежит к числу таких проблем, которые отражены в источниках изучения культуры опосредованно, фрагментарно и неоднозначно. Исследовательская цель состоит поэтому в отыскании нетрадиционных видов источников, их репрезентации по основным исследовательским параметрам, и далее, раскрытии их информационного ресурса.

Степень научной разработанности темы. В процессе работы над диссертационной проблемой последовательно привлекался ряд исследований

Интерес к изучению старчества возник достаточно давно. Историография вопроса обширна и разнопланова. Тот или иной аспект старчества рассматривался во множестве изданий, посвященных истории Русской Православной Церкви, христианства в целом, монашества в России и в мире, исследованию различных форм религиозности как феномена культуры, как важного показателя характера того либо иного народа в разные периоды его истории. В связи с этим мы привлекали работы как светских, так и церковных исследователей, стремясь выяснить тенденции в развитии изучения нашей темы и современное ее состояние.

Старчество как воплощение духовного идеала становится важнейшим элементом русской культуры, что находит свое отражение в творчестве таких великих писателей и философов, какими были Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, К. Н. Леонтьев, И. В. Киреевский и др. Различных аспектов культуры старчества в России касались в своих трудах отечественные философы рубежа XIX и XX веков: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федотов, П. А. Флоренский.

Русское старчество как историко-культурное явление стало предметом изучения русского философа и историка культуры Л. П. Карсавина¹. Ученого занимает вопрос о феномене старчества именно не как церковного института, но гораздо шире, как проблема истории культуры, истории нравственного влияния выдающейся личности на окружающую ее среду. В работе о старчестве ученый особенно подчеркивает то моральное влияние, которое оказывают оптинские старцы на простых людей, крестьян соседних сел, приводит свидетельства об этом.

В попытке церковного возрождения XIX века С. Л. Фирсов отмечает два центра – Оптину Пустынь и Саров. Здесь становятся очевидными новые нормы святости, к числу которых автор относит старчество. Он определяет старчество как особый институт преемственности духовных даров и служения миру².

¹ Карсавин Л. П. Старчество в русской церкви. Перевод с немецкого Ю. Е. Тарасюка, редактор и автор вступительной статьи А. Клементьев // Вильнюс, 1996. Янв – февраль. С. 129–145.

² Фирсов С. Л. Православная церковь в последние десятилетия существования самодержавия в России. М., 1996.

Другой современный исследователь, С Бычков, видит в старчестве, как особом феномене, признак начала духовного возрождения церкви во второй половине девятнадцатого века³

Для нашей темы несомненный интерес представляет поднятая в литературе тема культуры “народного православия”, под которым понималась, в отличие от “православия господствующей церкви” религиозность народных масс, культура обычных рядовых людей. Современный исследователь справедливо отмечает, что время “для полевых исследований народной религиозности безвозвратно ушло”⁴. Однако, в настоящее время эта проблематика нашла свое продолжение и развитие⁵

Современные западные исследователи обнаруживают интерес к исследованию религиозности в России в разных ее аспектах. Изучается как официальная церковь, так и народная религиозность, так называемое “двоеверие” и их взаимоотношения и взаимовлияния. В частности подобными проблемами занимаются Gregory Freeze, Stephen Frank и другие исследователи⁶

В научной светской литературе вопросы, связанные с внутренней жизнью монахов и деятельностью старцев изучались не подробно и

³ Бычков С. Русская церковь и императорская власть. М., 1998.

⁴ Лавров А. С. Колдовство и религия в России. М., 2000. С. 81.

⁵ Громыко М. М. О народном благочестии у русских XIX в. // Православие и русская народная культура. М., 1993. С. 144–182; Громыко М. М. Православие в жизни русского крестьянина // Живая старина. 1994. № 3. С. 3–5; Громыко М. М. Православие в жизни русского крестьянина. Проблемы исследований // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к всероссийской научной конференции. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 37–40; Громыко М. М. Этнографическое изучение религиозности народа: заметки о предмете, подходе и особенностях современного метода исследований // Этнографическое обозрение. № 5. 1995. С. 77–83; Громыко М. М., Кузнецов С. В., Буганов А. В. Православие в русской народной культуре: направление исследований // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 60–84; Кремлева И. А. Обет в религиозной жизни русского народа // Православие и русская народная культура. М. 1993. Кн. 2. С. 127–157; Живов В. М. Двоеверие и особый характер русской культурной истории // *Philologia slavica*. К 70-летию академика Н. И. Толстого. М., 1993. С. 50–59.

⁶ Frank S. P. Popular Justice, Community, and Culture among the Russian Peasantry // *The World of the Russian Peasant*. Boston, 1990. P. 133–153; Freeze G. L. Institutionalizing Piety: The Church and popular religion, 1750–1850 // *Imperial Russia*. Bloomington, 1998. P. 210–249; Freeze G. L. The Rechristianisation of Russia // *Studia Slavica Finlandensia*. № 7. 1990. P. 101–136.

опосредованно Между тем в другой области гуманитарного знания, философии, теоретические работы старцев исследуются, что, видимо, связано с подъемом интереса к философии исихазма во всем мире Разработкой методологии исследования философской традиции исихазма занимается С С Хоружий⁷ Он работал также над выяснением связей традиции старчества с русской философией и богословием, рассматривая идеи старцев в качестве оригинальной антропологической философии, которую он именует методами синергичной антропологии

Множество церковных авторов писало в свое время о старчестве вообще и о его конкретных носителях, в частности Общее количество работ, посвященных различным аспектам данного явления, не поддается учету, так как не только ученые, но и просто заинтересованные люди, которым эта тема была по тем или иным причинам близка, писали о старцах Особенно много подобных работ было издано в последние годы, когда стало ясно, что интерес верующих к Оптиной Пустыни резко возрос Сюда следует отнести литературу агиографического характера, связанную с процессом канонизации старцев, труды по нравственному богословию, авторы которых часто подтверждали свои построения цитатами из писем и статей оптинских старцев Церковь осознавала, что интерес общества и потребность в существовании некоего авторитета из не очень отдаленного прошлого в девяностых годах двадцатого века не меньше, чем в девятнадцатом веке⁸

Старчеству посвящены работы митрополита Трифона (Туркестанова) “Древнехристианские и оптинские старцы”⁹, В И Экземплярского¹⁰ Подробно история развития старчества на Руси с принятия христианства до революции раскрывается в труде С Большакова “Russian mystics”¹¹ Попыткой ввести хронологию истории оптинского старчества в России

⁷ Диптих безмолвия Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении М, 1991, После перерыва Пути русской философии СПб, 1994, Синергия Проблемы аскетики и мистики православия М, 1995

⁸ См например Большаков С На высотах духа Брюссель, 1971, Аверкий, архиепископ О монашестве М, 1993, Иеремия (Соловьев) Иноческий катехизис М, 1998, Горюх М В На службе Богу М, 1995

⁹ ОР РГБ Ф 172 К 415 Д 2, 3

¹⁰ Экземплярский В И Старчество // Дар ученичества М, 1993

¹¹ Bolshakoff S Russian mystics London, 1970

можно признать работу протоиерея С Четверикова “Оптина Пустынь”¹² Другой подход прослеживается в книге И М Концевича “Оптина Пустынь и ее время”¹³ Автор, полемизируя с С Четвериковым¹⁴, заявляет, что старцев нельзя сравнивать по степени их популярности в то или иное время Главное в ухудшении положения старчества не “оскудение” качеств носителей традиции, а духовное обнищание самого народа, который не захотел трудной дороги самосовершенствования, предпочтя ей легкий путь деградации Подобной концепции придерживаются авторы практически всех остальных работ, не вступая, однако ни с кем в полемику¹⁵

При изучении российского старчества нельзя обойтись и без проникновения в особый пласт богословской литературы, идеями которой старчество подпитывалось на протяжении своей долгой истории В России старцы не начинали на пустом месте, но имели за собой огромный, накопленный поколениями их предшественников опыт, зафиксированный в большом количестве трудов мистиков православного востока, откуда черпали идеи последующие мыслители, постепенно создавая особую философскую систему “Добротолюбие” вкупе с трудами таких авторов как Авва Дорофей, Макарий Великий, Симеон Новый Богослов, Григорий Палама, Варсанофий и Иоанн, Иоанн Кассиан Римлянин и многих других позволяют понять интеллектуальную среду, в которой кристаллизовались идеи старчества, откуда оптинские старцы черпали методы общения с людьми и благодаря которым русское старчество состоялось как явление русской истории девятнадцатого века

Объединяющим моментом во всех перечисленных работах является факт крайней бедности источниковой базы Авторы опираются на воспоминания, мемуары и опубликованные в дореволюционных журналах части писем оптинских старцев Те же письма можно увидеть в многочисленных современных сборниках, посвященных данному явлению Тем не менее, сохранившиеся материалы старцев значительно многочисленнее и разнообразнее

¹² Четвериков С Оптиная Пустынь М, 1912

¹³ Концевич И М Оптиная Пустынь и ее время Джорданвилль, 1970

¹⁴ Там же С 465

¹⁵ См например Быков С Н Тихие приюты М, 1992, Оптинские старцы М, 1993, Оптиная Пустынь М, 1993, Концевич И М Стяжание Духа Святого в путях древней Руси М, 1993 и т д

Источниковедческая база исследования. Это, в первую очередь, совокупность документов 1798–1922 годов двух фондов Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (213 и 214), а также тексты старцев, не сохранившиеся в подлинниках, но оставшиеся в многочисленных публикациях их писем и воспоминаний людей, близко их знавших

Фонды Отдела Рукописей РГБ 213 и 214 состоят из комплексов документов и книг канцелярии и библиотеки Оптиной Пустыни и скита. В частности, фонд 213 включает в себя делопроизводственные материалы, материалы хозяйственного учета, частнопроводные и ряд законодательных актов, а также личные фонды монахов монастыря, где основную часть занимает переписка (всего 114 картонов или 2300 дел)

Фонд 214 был составлен из сохранившихся остатков двух оптинских библиотек – монастырской и скитской Книги, вошедшие в данный фонд Отдела Рукописей, преимущественно рукописные и относятся практически ко всему периоду существования Оптиной Пустыни. Среди них имеются черновики статей и книг старцев, материалы по изданию писем и Летописи скита и самой Оптиной Пустыни

Целью исследования явилось выявление информационного ресурса переписки Оптинских старцев, представленной в виде данного корпуса источников для изучения менталитета, духовной культуры и религиозного сознания российского общества девятнадцатого – начала двадцатого века. В центре внимания при таком подходе оказались проблемы интерпретации переписки как историко-культурного источника. Интерпретация понималась нами как центральный, наиболее сложный этап культурологического исследования, возможный лишь в условиях проведения всех этапов анализа и культурологического синтеза

Данный подход определил **задачи исследования:**

- Раскрытие историко-культурных условий и обстоятельств возникновения переписки старцев Оптиной Пустыни как цельного и однородного корпуса источников
- Анализ информационного объема переписки как источника по истории духовной культуры и пути его установления проблемы полноты, достоверности и интерпретации полученных данных

Объектом исследования является Оптинское старчество XIX – начала XX веков как культурный феномен

Предмет исследования: комплекс рукописных и печатных материалов в первую очередь личного происхождения, связанных с деятельностью

оптинских старцев и являющихся источником изучения социокультурной истории России указанного периода

Методологическая основа диссертации обусловлена спецификой изучаемого объекта и задачами диссертации. Теоретико-методологическая основа работы – принцип историзма, междисциплинарный подход, системность, комплексность, интеграционность в изучении материала. В работе нашли применение методы системного культурологического анализа, а также методы историко-антропологический, герменевтический и типологический. В ходе работы над корпусом источников были важны методы источниковедения, при изучении рукописных текстов переписки – методы палеографии. При определении цели исследования, исследовательских этапов и приемов решения исследовательских задач в основу были положены методологические принципы культурологии, представленные в трудах С.С. Аверинцева, Г.С. Батищева, М.М. Бахтина, М.Н. Громова, П.С. Гуревича, И.К. Кучмаевой и других.

Научная новизна исследования. Широкий спектр культурологических и источниковедческих подходов позволяет выявить и проанализировать те стороны рассматриваемого явления, которые прежде не подвергались научному анализу.

- Автором предпринято ранее не производившееся выявление источников изучения Оптинского старчества как культурного феномена
- Проведена интерпретация выявленных источников
- Проведен анализ полученной информации о российском старчестве как социокультурном явлении
- Рассмотрены проблемы духовной и светской культуры, отраженные в переписке старцев

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1 Традиции исихазма и старчества в России есть явления взаимосвязанные и взаимозависимые
- 2 Институционализация старчества сопровождалась появлением большого числа документальных материалов, различающихся по типологии и происхождению
- 3 Переписка Оптиных старцев со своими последователями является сложным и целостным комплексом исторических источников
- 4 Источники изучения Оптинского старчества являются важным информационным ресурсом о духовной и светской культуре России XIX – начала XX веков

Научно-практическая значимость работы. Результаты диссертационного исследования могут найти свое применение в научной, педагогической и практической деятельности. Основные положения работы позволяют ввести в научный оборот новый комплекс источников изучения духовной и социальной культуры России девятнадцатого века и могут быть использованы при чтении лекционных курсов, в конкретных исследованиях, посвященных рассматриваемому периоду, при составлении спецкурсов по истории культуры России.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на кафедре теории и истории культуры Государственной академии славянской культуры. Основные положения и идеи диссертации были представлены автором в виде статей и докладов на конференциях:

- на научной конференции российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока “Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации” (Москва, 1998),
- на научной конференции РГГУ “Источниковедение в мире гуманитарного знания” (Москва, 2002),
- на XXVIII, XXIX, XXX, XXXI конференциях военно-научного общества Военно-технического университета (Балашиха, 2003, 2004, 2005, 2006)

Материал работы используется в деятельности Военно-научного общества Военно-технического университета Федерального агентства специального строительства Российской Федерации.

Структура работы определена ее целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, определены хронологические рамки исследования, охарактеризована источниковая база, показана степень изученности старчества вообще и материалов Оптиной Пустыни в частности, охарактеризована историография вопроса, определена научная новизна исследования и сформулированы цели и задачи работы

Первая глава “Феномен старчества в России и источники его изучения” посвящена историческим условиям возникновения источника, определению источникового комплекса и его состава. Подробно характеризуется Архив и Собрание Оптиной Пустыни, даются сведения о его видовом составе, а также количественные данные по каждому личному фонду старцев. Описываются дополнительные материалы, получаемые из других собраний и из опубликованных источников

1.1. Традиция исихазма и старчество в России Источник – это продукт определенной культуры, он создается в конкретных условиях и вне них не может быть понят и проинтерпретирован. Соответственно необходимо осознать особенности философии и мировоззрения старчества, как важной составляющей православной аскетики, малоизвестных за пределами среды, породившей их и практически потерянной в настоящее время у нас в стране. Нужно понимать особенности экзотической для современного человека системы восприятия окружающего пространства, которое воспринимается исихастами многомерно, а не плоско, в их реальности присутствует много смыслов, рождающихся из каждого действия.

Как ярко показывает институт старчества в России, верховный авторитет аскетики не ограничивается религиозной сферой, и даже сферой нравственной жизни, он распространяется на все поведение православного человека. По праву можно сказать, что сфера аскетической практики – это ядро православной религиозности и культуры. Опыт монашества всегда оставался сутью православия, хотя в динамике церковной жизни в истории иногда забывался обществом, государством и даже церковью, что обычно происходило во времена тяжелых социально-политических и культурных кризисов.

Определенная социальная сторона предполагалась в православном монашестве с самого начала. Уже в четвертом веке была развита мистическая диалектика монашеского уединения, основанная на внутреннем единстве инока с миром и обществом¹⁶. Это единство выражалось парадоксальными афоризмами: “Монах тот, кто, от всех отделяясь, со всеми состоит в единении”¹⁷, “Монах молится за весь мир”¹⁸, “Монах плачет за весь мир”¹⁹, “Монах через любовь Христову воспринимает в себе всех людей”²⁰ и тому подобное. Все эти формулы в изобилии встречающиеся в “Лавсаике”, “Добротолюбии”, письмах оптинских старцев и многочисленных сборниках высказываний православных монахов разных времен означают, что монахи покидают социум, чтобы в подвиге создать новый мистический социум, новый уровень духовной культуры, также способствующий единству всего человечества, но уже иными, новыми узами — любви и молитвы. Это понятие мистического социума, безусловно, хотя и скрытно присутствующее в аскетике отчасти родственно концепции Святого Общества в западном богословии²¹.

Исихастская традиция предусматривала как сугубо монашеские методики, так и систему жизни по Евангелию для всех остальных людей. Необходимо было только вручить свою жизнь старцу, который лучше знал, что надо самому человеку. За, казалось бы, бессмысленными указаниями старцев стоял четкий план постепенного изменения сознания человека, изменения самого способа мышления и восприятия мира. Постоянно звучащий в голове речитатив молитвы Иисусовой заставлял людей осознавать свои действия и все события окружающего мира по-другому, позволяя не принимать близко к сердцу неприятности и не впадать в чрезмерное ликование по поводу удач. Старцы, тонкие психологи, могли подобрать для каждого человека свою методику, которая не застыла в канонической форме, устаревая с течением времени, но трансформировалась и изменялась вместе с трансформациями и изменениями самой

¹⁶ Сирийский Лавсаик М 1992 С 35

¹⁷ Добротолюбие Т 3 С 64

¹⁸ Там же С 387

¹⁹ ОР РГБ Ф 213 К 55 Д 5 Л 134 об

²⁰ Там же К 78 Д 16 Л 13

²¹ Хоружий С С Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении М, 1991 С 236

жизни. В этом и заключалась крайняя привлекательность старческого руководства для множества людей. У церкви, впервые за долгое время, возник шанс опять занять главенствующее положение в идеологической, мировоззренческой и культурной системах России.

1.2. Состав и структура источников изучения старчества в Оптиной Пустыни. Документирование различных сторон историко-культурного процесса происходит по своим законам, и оно далеко не всегда пропорционально значимости того явления, которое документируется. Лучше всего, хотя тоже относительно, документированы функции власти, государственных учреждений, фискальной политики, дипломатии. Менее всего документирована повседневная жизнь “молчаливого большинства”, в среде которого грамотность распространена значительно меньше, нежели среди богатых и знатных представителей правящих элит. Между этими двумя крайними полюсами расположена деятельность церковных институтов и церковной иерархии. С одной стороны, церковь связана с властными структурами, с другой – она обращена к обществу, к массовому сознанию, коллективным представлениям. Церковь выступает в традиционных обществах, и не только в них, в качестве связующего звена. Документирование деятельности церковных институтов в принципе осуществляется менее последовательно, чем деятельность власти. Особенно это касается функционирования той части духовенства, которая по определению находится вдали от мирских интересов, – монашества, монастырей. Монастырские архивы формировались менее системно, нежели архивы других институтов гражданского общества. В то же время, их документация была лучше защищена от внешних факторов, которые могли привести к утрате их ценного документального состава. В исторической ретроспективе документы монастырей как земельных собственников, чье хозяйство использовало крестьянский труд, хранились более тщательно, поскольку имели юридическое значение в борьбе за землю. Церковь заботится об этой документации, создает копияные книги, хранит грамоты. Однако, она не может воспрепятствовать утрате документов по внешним причинам (войны, пожары, набеги и тому подобное).

Если мы попытаемся рассмотреть документы старчества вне социокультурного контекста мы не сможем далее продолжать их изучения, так как не будем знать всех аспектов деятельности со всеми возможными подробностями. Мы должны выяснить, какой частью культурного наследия

являются сохранившиеся до настоящего времени материалы монастырского архивного комплекса, на основе которого мы изучаем российское старчество Мы должны понять, с какой полнотой данное явление было зафиксировано в архивных документах

При решении этой исследовательской задачи, приходится констатировать фрагментарность доступных материалов Сохранившиеся до современности материалы оптинских старцев и Оптиной Пустыни представляют собой лишь часть всех источников, возникших в процессе существования оптинского старчества Большое их количество было потеряно в результате закрытия и разорения Оптиной Пустыни в двадцатом веке, многие письма поздних старцев просто не были еще собраны в монастыре, в отличие от их более ранних предшественников Мы можем констатировать, что реконструировать прежний состав архива Оптиной Пустыни – задача крайне трудная, если вообще выполнимая Однако можно отметить, что материалы самих старцев сохранились не в пример лучше остальных частей монастырского архива, так как находились в сфере внимания значительно большего числа людей, главным образом – почитателей старцев Несмотря на то, что материалы оптинских духовных наставников первоначально являлись далеко не самой крупной группой документов монастырского архива, но к нашему времени письма, записки, книги и прочие письменные, изобразительные и вещественные источники по истории старчества, рассредоточенные по нескольким хранилищам, составляют более половины всех сохранившихся

1.3. Содержание и типология источников изучения оптинского старчества. Состав личных фондов оптинских старцев выглядит следующим образом Материалы первого оптинского старца Леонида (в схиме Льва) составили рукописи картонов № 74 (дела 24 – 31) и 75 (дела 1 – 50) Нигде более писем, либо иных материалов не сохранилось Всего в его личном фонде отложилось две тысячи триста три письма за период с 1829 по 1841 годы

Основную часть переписки составляют письма к священникам и монахам Однако объем переписки старца с мирянами постепенно увеличивался Всего к монашествующим было послано – тысяча восемьдесят одно, к священникам – девятьсот три письма, к купцам и мешанам – двести восемьдесят, к помещикам – семьдесят пять и сорок пять – к крестьянам

Материалы старца Макария представляют собой одну из наиболее многочисленных среди всех личных фондов Архива Оптиной Пустыни

группу рукописей. Они занимают восемь картонов – №№ 76–83. Опубликованных писем этого старца также значительно больше, чем писем всех остальных его преемников. В Церковно-историческом музее Свято-Данилова монастыря бумаг отца Макария немного и это практически только изобразительные материалы (рисунки, портреты и тому подобное).

Всего писем в фонде старца Макария хранится двадцать тысяч четыреста одно за период с 1838 по 1860 годы. Переписка с городским дворянством состоит из десяти тысяч двухсот одного письма, с купцами – из трех тысяч, с деревенскими помещиками – из двух тысяч восьмисот, со священниками – из двух тысяч пятисот, с интеллигенцией – из тысячи семисот, с монахами – восемьсот и переписка с крестьянами – из двухсот писем.

Преемник старца Макария – старец Амвросий, судя по воспоминаниям современников, должен был бы написать больше писем, чем его учитель, но на хранении в Архиве Оптиной Пустыни и в Церковно-историческом музее Свято-Данилова монастыря имеется только одиннадцать тысяч двести писем, что почти в два раза меньше, чем у его предшественника. В фонде имеется много черновиков писем. Видимо, старец составлял несколько вариантов одного и того же письма, в случае особой важности, либо сложности темы, которую он был намерен поднять.

Значительная часть всего комплекса писем является собранием переписки всего с тридцатью семью людьми, собрания писем к которым содержат по несколько сотен штук. От переписки старца с другими учениками осталось не более одного – двух писем.

Больше всего писем сохранилось от переписки Амвросия с интеллигенцией – пять тысяч триста четыре, к монашествующим – две тысячи сто девяносто одно, к помещикам – тысяча пятьсот пять, к чиновникам – тысяча девяносто три, к купцам разного уровня благосостояния – пятьсот семь, к священникам – пятьсот, к рабочим и мелким служащим – четыреста шестьдесят пять, к крестьянам – четыреста тридцать одно, переписка с высшими чиновниками и членами императорской фамилии – двести четыре.

Относительно немного писем осталось от старца Анатолия – только одна тысяча восемьсот. Подавляющее большинство этих писем были написаны к монахиням различных женских монастырей – одна тысяча шестьсот пятьдесят восемь, к священникам было отправлено сорок два письма, к купцам – сорок, тридцать пять писем – к помещикам и двадцать

пять – к крестьянам. Каких либо иных материалов в его фонде практически не сохранилось.

Старец Иосиф предпочитал общаться со своими учениками и почитателями лично, вступая в переписку только в случае необходимости, да и в этом случае – крайне лаконично. Его фонд состоит из тридцати дел (три тысячи писем), которые включают письма к крестьянам (тысяча сто три), рабочим и ремесленникам (восемьсот девяносто), мелким служащим (пятьсот одно), монахам (триста два), священникам (сто четыре), купцам (шестьдесят восемь), и студентам Московского Университета (тридцать два).

Состав переписки старца Анатолия Младшего, несколько в более сжатом виде, представляет собой слепок с переписки старца Амвросия. Всего сохранилось три с половиной тысячи писем. Из них к интеллигенции было отправлено тысяча пятьсот шесть, к монахам – восемьсот, к чиновникам – шестьсот девяносто, к предпринимателям – четыреста четыре, к священникам – двести пять, к рабочим и мелким служащим – сто девяносто, к студентам – сто восемьдесят, к крестьянам – двадцать пять.

Писем старца Варсанофия сохранилось немного – только шестьсот, из них большинство – к студентам – триста восемьдесят шесть, остальные письма были им написаны к женщинам из разных социальных групп.

В фонде старца Нектария сохранилось три тысячи писем, преимущественно предреволюционных и первых послереволюционных годов. Социальный состав адресатов старца трудно определить абсолютно точно, так как никаких указаний на этот счет в текстах нет.

Никаких материалов ученика Нектария Никона в Архиве Оптиной Пустыни не сохранилось и все, чем мы располагаем – это небольшое количество писем, попавших в Церковно-исторический музей Свято-Данилова монастыря и переписывавшийся в течение шестидесяти лет дневник, который является одним из немногих свидетельств о происходящих в последние годы функционирования в монастыре событиях.

Таким образом, мы можем сделать несколько выводов.

- 1 Традиции исихастской культуры Восточной церкви и оптинского старчества тесно связаны посредством литературной и устной традиции, отраженной в переписке.
- 2 До наших дней дошел далеко не полный комплекс источников изучения оптинского старчества, тем не менее, мы можем констатировать возможность его реконструкции.

3 Всего было обнаружено 42803 письма оптинских старцев за период с 1829 по 1930 годы, отправленных к представителям практически всех слоев российского общества. На основе выявления соотношения писем к различным социальным группам мы можем определить сферы влияния старчества на общество на протяжении всей его истории, а также меру воздействия старцев на личную и групповую культуру указанных сословий.

Вторая глава “Переписка оптинских старцев в контексте русской духовной культуры” посвящена интерпретации переписки. Выясняются обстоятельства деятельности старцев, повлиявшие на состав и содержание всего корпуса. Рассматриваются основные темы переписки, интересовавшие старцев и их адресатов на протяжении всего времени существования оптинского старчества. Проводится выяснение информационных возможностей выявленных документов. Рассматриваются личные фонды старцев для определения специфических особенностей и сходства между материалами разных мыслителей на протяжении девятнадцатого – начала двадцатого веков. Излагаются результаты культурологического исследования всего корпуса источников изучения старчества в Оптиной Пустыни.

2.1. Проблемы духовной и светской культуры в переписке оптинских старцев. Старцы заняли свою нишу в ряду людей и событий, влиявших на духовную жизнь русского народа, и не маловажную роль сыграли в этом личностные характеристики старцев. Мы можем изучать данное явление только по небольшому числу сохранившихся исторических источников, правильно проинтерпретировать которые нам могут помочь сведения о биографиях конкретных носителей исихастской традиции, перу которых и принадлежит большинство рассматриваемых материалов. Сведения о жизни и деятельности различных старцев не равноценны по своей информативности. Выяснение данных осложняется также тем, что большинство сведений становится нам известно из источников личного происхождения – из воспоминаний духовных детей, лиц заинтересованных и небеспристрастных.

Сотни и тысячи писем к самым разным людям, при их комплексном изучении, позволяют дополнить и прояснить динамику процессов, проходивших в русском обществе и построить более – менее целостную модель общества, переживающего переход к новым общественным отношениям в условиях тяжелейшего мировоззренческого кризиса.

Оптинские старцы происходили из различных слоев общества. Леонид был мещанином, Макарий – дворянином, Амвросий, Анатолий и Анатолий Младший происходили из семей священнослужителей, Иосиф – мещанином, Варсанофий – казачьим офицером, Нектарий родился в семье приказчика, Никон – в купеческой семье. Разным был и их путь в монастырь: некоторые приходили в Оптину Пустынь в молодости, а некоторые – уже в зрелом возрасте. Не одинаковым был их образовательный уровень. Амвросий с детства готовился к службе в церкви, а, например, Варсанофий – получил военное образование. Все эти особенности личной судьбы каждого старца многое определили в их деятельности, что нашло свое отражение в сохранившихся после них источниках. Тем не менее, в своих письмах, старцы проявляют поразительное сходство подходов и методов общения со своими учениками. Старцы, жившие в разное время, имевшие разное происхождение представляются людьми чрезвычайно близкими по типологии строения личности, разделяющими малейшие мысли и чувства. Если не в конкретике, то в общем настрое.

2.2. Тематическая и социальная характеристика переписки оптинских старцев. Интерпретация писем оптинских старцев дает нам материал для дальнейшего исследования, позволяет понять основные идеи старцев, определить их содержание, но она не способна предоставить всю полноту социальной информации, которой располагает источник. Если брать только лишь результаты интерпретации, то становится видна однообразность находящейся в нем информации, которая на первый взгляд представляет скорее богословский, нежели научный интерес.

Для понимания существа изучаемого духовного и культурно-психологического феномена представляются важными положения о том, что для российского монашества (даже раннего периода) было характерно не столько отшельничество в смысле отрешения от мирской деятельности и ее проблем, но напротив, активное подвижничество, – стремление воздействовать на эту жизнь, подвигать ее в лучшую, более нравственную сторону. Мы не всегда можем ясно воспроизвести индивидуальный образ описываемого подвижника. Но видно, что эти мыслители были людьми с неодолимой энергией в достижении предположенной цели, притом по характеру произведшего их общества для них стояли на первом плане не созерцательные, а практически – нравственные стороны подвижничества. Отказ от духовной изоляции,

отшельничества представляются лучшим мыслителям эпохи актуальным, необходимым, безальтернативным. Именно такой импульс можно ощутить в духовном явлении российского старчества, он обращен в лице его лучших представителей не в прошлое, не в пассивное отрешение от жизни общества в целом, но в активное построение новых, прежде всего, нравственно – правовых отношений.

Именно этот круг проблем и представляется наиболее ценным, когда мы рассматриваем значение писем как источника изучения оптинского старчества как культурного феномена. Поэтому эти вопросы и стали предметом изучения последнего параграфа второй главы.

Письма дают возможность судить о том, какие проблемы стояли перед теми, кто обращался к авторитету духовных пастырей. Ответы были конкретны, и нигде не звучало отрешения от этих проблем – будь то семья, отношения родителей и детей, имущественные споры, жизненные планы, военная служба. Несмотря на разнообразие тем переписки старцы за все время своего служения пытались научить людей разных сословий обретению и сохранению веры в Бога в условиях трансформирующегося мира, причем трансформирующегося все более и более катастрофично. Ощущение надвигающейся катастрофы проявляется в письмах очень четко, но старцы далеки от паники. Они учат людей методам выживания и воспитания в себе внутренней силы, духовной культуры, позволяющей перенести все испытания. И сам факт существования подобной методики в России указанного периода позволяет нам говорить о значительном укоренении в ней исихастской традиции. Старцы видели в исихазме возможность сохранения практической веры в любых условиях и ситуациях и значительный шанс для Церкви иметь возможность существовать в апостасийном мире.

Рассмотрев и проинтерпретировав содержание переписки оптинских старцев, нами были сделаны следующие выводы:

1. Несмотря на различное происхождение и социализацию оптинских старцев, они демонстрируют единство идей и способов и воплощения в мире.
2. Разнообразие информации о социокультурном развитии России на протяжении более чем ста лет, позволяет нам обозначить комплекс переписки старцев как важный источник по развитию российского

общества в один из самых переломных моментов его истории. На основании переписки исследователь может определить динамику изменения волнующих общество проблем, развития социальной и религиозной культуры указанного периода. Длительное воздействие старцев на учеников дает нам возможность наблюдать за изменениями, происходящими в личной и общественной культуре России благодаря данному культурному феномену. Мы наблюдаем за формированием и развитием нового социокультурного института России, повлиявшего на значительный пласт отечественной религиозной и культурной жизни.

В заключении обобщены основные выводы диссертации и подведены итоги исследования.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Публикации в журналах из перечня ВАК

- 1 Оптинское старчество как феномен культуры (к проблеме актуальности изучения русской религиозной культуры) // Социально-гуманитарные знания М, 2007 № 2 С 348–356
- 2 Источники изучения оптинского старчества как социокультурный феномен // Преподавание истории в школе М, 2006 № 11 С 29–33

Прочие публикации

- 3 К проблеме метода изучения русских религиозных источников // Гуманитарный вестник № 5 Балашиха, 2004 С 56–64
- 4 Оптинское старчество как феномен культуры // Гуманитарный вестник № 7 Балашиха, 2005 С 44–54,
- 5 Переписка оптинского старца Амвросия (1812–1892) проблемы источниковедческой интерпретации // Историческая антропология место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации М, 1998 С 144–146
- 6 Российское старчество источники изучения // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания М, 2002 С 282–284

Издательский центр ГАСК
Лицензия ИД № 06234 от 09 11 01
Подписано к печати 21 03 2007
Усл печ л 1,3 Тираж 100 экз
125373, Москва, ул Героев Панфиловцев, д 39, к 2
Тел 948-53-45, факс 948-92-00